

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет филологии и искусств
Кафедра общего языкознания

УСЛОВИЯ ПРОДЛЕНИЯ КРАТКИХ ГЛАСНЫХ В ДИАЛЕКТАХ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

Дипломная работа

студентки IV курса
отделения баллистики
Марии Кирилловны Кондаковой

подпись

Научный руководитель
асс. А. Д. Даугавет

«_____» _____ 2009 г.

Подпись

Санкт-Петербург, 2009

Содержание

Содержание	2
Введение	3
Часть I. Два типа долгих гласных в литовском языке	5
1. Краткая характеристика литовского вокализма	5
2. Условия появления позиционно долгих гласных в литературном языке	7
3. Позиционно долгие гласные верхнего подъема в литовских диалектах	10
4. Длительность позиционно долгих гласных в литовских диалектах	12
5. Трехчленное противопоставление гласных по долготе в части восточноаукштайтских говоров	14
Часть II. Условия появления позиционно долгих гласных в литовских диалектах	18
1. Односложные слова. Конечный слог многосложного слова	18
2. Личные местоимения <i>mano, tavo, savo</i>	21
3. Суффиксы сравнительной степени прилагательного <i>-esnis/-esnė</i>	24
4. Глагольные приставки. Двусложный инфинитив и глагольные формы, образованные от его основы	25
5. Местоименное окончание прилагательного <i>-asis</i>	30
6. Другие случаи	32
Заключение	34
Литература	36

Введение

В литовском языке краткие гласные в ударных слогах подвергаются продлению, давая т. н. позиционно долгие гласные (в отличие от исторически долгих гласных, восходящих к сочетаниям с носовыми): **nàmas* > *nāmas* ‘дом’. Однако имеется ряд исключений, в которых продление краткого гласного отсутствует. Существование исключений обусловлено фонетическими факторами (односложные слова, абсолютный конец слова) или морфологическими (напр., продление отсутствует в личных местоимениях *màno*, *tàvo*, *sàvo* ‘мой, твой, свой’, в глагольных формах, образованных от основы инфинитива (напр., *ràsti* ‘найти’, *ràstu* ‘(он) нашел бы’, *ràsiu* ‘найду’, *ràsdao* ‘(они) обыкновенно находили’) и т. д.). В литературном языке и литовских диалектах набор исключений, где краткий гласный в ударных слогах сохраняется без изменений, различается. **Целью** настоящей работы является описание условий появления позиционно долгих гласных в диалектах литовского языка и сопоставление их с условиями, при которых, краткий гласный продлевается в литературном языке.

Работа носит теоретический характер. В настоящей работе ставятся следующие **задачи**:

- обобщить и систематизировать имеющиеся данные о продлении кратких гласных в ударных слогах в литературном языке и литовских диалектах;
- выявить и описать факторы, определяющие появление позиционно долгих гласных с точки зрения истории языка;
- описать количественные характеристики позиционно долгих гласных в литовских говорах;
- представить существующие в литовской лингвистике интерпретации трехчленного противопоставления гласных по долготе/краткости в части литовских говоров.

Актуальность исследования определяется отсутствием работ обобщающего характера, оперирующих всей совокупностью литовских говоров. Сопоставление данных разных диалектов также должно привлечь внимание лингвистов к незаслуженно игнорируемому вопросу о происхождении и развитии позиционно долгих гласных.

Источники исследования. При написании данной работы, мы в основном опирались на имеющиеся отдельные описания литовских говоров, в том числе, на работы А. Ляскаускайте [Leskauskaitė 2004], В. Кардялиса

[Kardelis 2003, 2006], В. Гринавецкого [Grinaveckis 1973], Р. Бацевичюте [Bacevičiūtė 2006], работу Л. Муринене [Murinienė 2007] и т. д. В соответствии со сложившейся в литовской диалектологии традицией, автор описания того или иного говора, как правило, одновременно является его носителем. К сожалению, мы располагаем описаниями не всех восточноаукштайтских говоров, а именно нам не доступны описания аникшчяйского и купишкенского говоров. Поскольку фонетические особенности этих говоров в целом совпадают с утянским говором, они были описаны по аналогии. Помимо многочисленных описаний говоров, мы опирались на данные фонетического атласа литовских диалектов и комментарии к нему [ЛКА II 1982]. Карты в фонетическом атласе отражают особенности произнесения ряда морфологических форм на территории литовских говоров. Помимо вышеперечисленных источников, мы руководствовались работами более общего характера, напр. , диалектология З. Зинкявичюса [Zinkevičius 1966] и Хрестоматия литовских говоров [LKTCh 2004].

Часть I. Два типа долгих гласных в литовском языке

1. Краткая характеристика литовского вокализма

Для фонологической системы литовского языка характерно противопоставление гласных по долготе и краткости, ср. минимальные пары *kàsti*¹ ‘копать’ [kàsti] — *kásti* ‘кусать’ [kásti], *rèsti* ‘редеть’ [rèsti] — *rēsti* ‘надрубать’ [rēsti], *dìdis* ‘великий’ [dìdis] — *dỹdis* ‘величина’ [dĩdis], *pùsti* ‘вздуться’ [pùsti] — *pũsti* ‘дуть’ [pũsti]. Точка в верхней части строки означает долготу предшествующего гласного. Кроме того, слоги с долгими гласными (а также слоги, содержащие дифтонги и сочетания краткого гласного с сонантом), в позиции под ударением произносятся с одной из двух интонаций: акутовой или циркумфлексной. Слоговые интонации в литовском языке выполняют дистинктивную функцию. Приведем примеры гетеротонов, т. е. квазиомонимов, различающихся друг от друга только своей интонацией: ср. , *rúgti* ‘киснуть’ [rúkti] — *rũkti* ‘дымить’ [rũkti], *kóšė* ‘(он) цедил’ [kóšė] — *kõšė* ‘каша’ [kõšė], *áušti* ‘остывать’ [áušti] — *aũšti* ‘рассветать’ [aũšti], *káltas* ‘долото’ [káltas] — *kaĩltas* ‘виновный’ [kaĩltas] [Pakerys 2003: 222]. Краткие гласные под ударением лишены дополнительной просодической характеристики и произносятся одинаково. Ударение на кратких слогах обозначается грависом: напр., *àš* ‘я’ [àš], *nèšti* ‘нести’ [nèšti] *kìtas* ‘другой’ [kìtas], *ùpė* ‘река’ [ùpė]².

Некоторые лингвисты (в основном западные структуралисты Н. С. Трубецкой, М. Й. Кенстович, Ц. Ф. Е. Хеешен и др.) описывали литовский язык, как моросчитающий [Garšva 1977: 59]. Понятие моры считается удобным для описания просодических элементов литовского языка, т. к. слоговые интонации противопоставляются не только на дифтонгах и сочетаниях с сонантами (напр. , *áušti* ‘остывать’ — *aũšti* ‘рассветать’, *káltas* ‘долото’ — *kaĩltas* ‘виноватый’), но и на долгих монофтонгах (напр. , *dýgti* ‘произрастать’ — *dỹkti* ‘избаловываться’, *vókti*

¹ Здесь и далее перевод примеров приводится по литовско-русскому словарю А. Либериса (Lyberis 2001 — Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. 3-iasis pataisytas ir papildytas leidimas. Vilnius, 2001).

² Для обозначения акутовой интонации используется символ (˘), циркумфлексной — (ˆ). Интонация на кратких слогах передается грависом (˗).

‘убирать’ — *võgti* ‘красть’). Начало и конец долгого слононосителя будто бы различаются фонологически, поэтому долгие гласные, как дифтонги и дифтонгические сочетания, должны состоять из двух частей [Garšva 1977: 59]. Таким образом, фонологически долгие гласные трактуют, как двуморные сочетания. В таком случае разница между слоговыми интонациями есть ничто иное, как разница в месте реализации ударения: напр., *dýgti* /dìikti/ — *dỹkti* /dìikti/, *vókti* /vòokti/ — *võgti* /voòkti/. Тем не менее, большинство языковедов отказалось от трактовки литовского языка как моросчитающего, поскольку разница между слоговыми интонациями заключается не только в месте ударения, но и в их различном звучании. На сегодняшний день моросчитающими считаются только сербохорватский и древнегреческий языки, за литовским был признан статус слогосчитающего языка [Girdenis 2003: 288].

В литовском литературном языке долгие гласные бывают двух типов: исторически долгие и позиционно долгие. Исторически долгие гласные восходят к сочетаниям кратких гласных с носовыми: напр., *rãstas* ‘бревно’ [rãstas] (< **rañstas*) [Zinkevičius 1980: 70]. Исторически долгие гласные в литературном языке являются таковыми как в ударной, так и безударной позиции: ср., NSg *rãstas* ‘бревно’ [rãstas] — InstSg *raštù* ‘бревном’ [raštù]. Позиционно долгие гласные встречаются только под ударением, а в безударной позиции заменяются на краткие: NSg *nãmas* ‘дом’ [nãmas] — *namõ* ‘домой’ [namõ]. Позиционно долгие гласные исторически восходят к кратким, продлившимся под ударением, ср., *lãpas* ‘лист’ [lãpas] (< **lãpas*), *nãmas* ‘дом’ [nãmas] (< **nãmas*) [Zinkevičius 1980: 98].

Принято считать, что в литературном языке позиционно долгие гласные по своему звучанию полностью совпадают с исторически долгими и произносятся с циркумфлексной интонацией, т. е. *rãstas* ‘найденный’ [rãstas] (< **ràstas*) не отличается по звучанию от *rãstas* ‘бревно’ [rãstas].

Однако в диалектах ситуация иная. Краткие гласные, прудлеваясь в ударной позиции, реализуются как полудолгие, т. е. гласные меньшей длительности, которые по сравнению с исторически долгими гласными произносятся более кратко. Произношение полудолгого гласного в ударной позиции автоматически сопровождается т. н. средней интонацией. Таким образом, в литовских диалектах на месте литер. *lãpas* [lãpas], *nãmas* [nãmas], *rãstas* [rãstas] имеем *lá.pas*, *ná.mas*, *rá.stas* (точка в нижней части строки передает полудолготу, а символ *s* над гласным т. н. среднюю интонацию)

[Zinkevičius 1980: 98]. Тем не менее, в некоторых литовских говорах долгие и полудолгие гласные находятся в отношении свободного варьирования, т. е. и те, и другие могут появляться в одной и той же позиции, не создавая при этом смысловых различий.

Что касается диалектных особенностей исторически долгих гласных, то в большинстве литовских говоров они не меняют своих количественных характеристик в ударной позиции в середине слова, оставаясь долгими, а в безударной позиции или в абсолютном конце слова, как правило, подвергаются сокращению и становятся полудолгими: ср., GenPl *lašỹ* ‘капель’ [lašũ.], *lydėkis* ‘щука’ [li.dė.ki.s].

2. Условия появления позиционно долгих гласных в литературном языке

В литературном литовском языке продлению подвергаются только гласные нижнего подъема, в диалектах ограничения со стороны подъема нет. Тем не менее, продление краткого гласного имеет место не во всех случаях. Имеется ряд исключений, где ударные краткие гласные остаются без изменений. Набор исключений, где не происходит продления краткого гласного, в литературном языке и диалектах не совпадает. В диалектах он шире. Прежде чем приступать к описанию набора исключений в диалектах литовского языка, было бы уместно перечислить набор исключений, где продление кратких гласных *a*, *e* отсутствует в литературном литовском. Исключения перечислены в академической грамматике современного литовского языка [DLKG 1996: 41-42].

Во-первых, краткий гласный не продлевается в односложных словах (например, *aš* ‘я’, *ràs* ‘найдет’, *bė* ‘без’, *nės* ‘потому что’) и конечных слогах многосложных слов (например, *gerà* ‘хорошая’, *namė* ‘в доме’).

Во-вторых, продление отсутствует в ряде морфологических образований, в частности:

1. Глагольные приставки, напр., *àt-veda* ‘приводят’, *pà-mečiau* ‘подбросил’, *nė-neša* ‘не несут’, *tebė-guli* ‘лежат’, *tė-neša* ‘несут’;
2. Инфинитив первичных глаголов, напр., *nėšti* ‘нести’, *dėgti* ‘гореть’, *kàsti* ‘копать’, и глагольные формы, образованные от его основы:
 - прошедшее многократное время, напр., *nėšdavau* ‘(я) носил’, *dėgdavau* ‘(я) сжигал’, *kàsdavote* ‘(вы) копали’, *šlāpdavote*

‘(вы) промокали’, а также формы соответствующих причастий, напр., *dėgdavęs* ‘сгоревший’, *kàsdavęs* ‘копавший’;

- будущее время, напр., *nėšiu* ‘буду нести’, *dėgsi* ‘будешь гореть’, *kàsime* ‘будем копать’, *šlàpsime* ‘будем мокнуть’, и причастия будущего времени, напр., *nėšiqs* ‘тот, который будет нести’, *šlàpsiqs* ‘тот, который будет мокнуть’;

- сослагательное наклонение, напр., *nėščiau* ‘(я) бы нес’, *dėgtum* ‘(ты) бы горел’, *kàstumėte* ‘(вы) бы копали’, *šlàptų* ‘(они) бы промокли’;

- повелительное наклонение, напр., *nėškime* ‘давайте понесем’, *kàskite* ‘копайте’, *šlàpkite* ‘намокните’;

- полупричастия, напр., *nėšiqs* ‘несущий’, *šlàpsiqs* ‘мокнущий’, *nėšdamas* ‘неся’, *kàsdamas* ‘копая’;

3. Звукоподражательные слова, напр., *trėpsi* ‘топают’, *šlėptelėti* ‘шлепнуться’, *tàkštelėti* ‘хлопнуть’, *sàpalioti* ‘нести чепуху’, *stràkalioti* ‘прыгать, скакать’;

4. Суффиксы сравнительной степени прилагательного –*esnis/–esnė*, –*elis/–elė*, напр., *aukštėsnis* ‘более высокий’, *jaunėsnė* ‘более молодая’, *gerėlėsnis* ‘более хороший’, *ilgėlėsnė* ‘более длинный’;

5. Определенное окончание прилагательного мужского рода именительного падежа единственного числа –*asis*, напр., *pirmàsis* ‘первый’, *geràsis* ‘хороший’, *užmirštàsis* ‘забывчивый’;

6. Личные местоимения *tàno*, *tàvo*, *sàvo*;

7. Наречия и предлоги, образованные сложением двух основ, напр., *anàpus* ‘на той стороне’, *šiàpus* ‘на этой стороне’.

В литературном языке долгий гласный в односложном слове или позиции абсолютного конца многосложного слова встречается только в местоимении *mė̃s* и наречиях, образованных сложением основ: *kasmė̃t* ‘ежегодно’, *kasnākt* ‘еженочно, каждую ночь’, *pernākt* ‘за ночь’.

Существование исключений, где продление гласного отсутствует, объясняется особенностями происхождения и развития позиционно долгих гласных. Далее рассмотрим причины, по которым краткий ударный гласный в перечисленных исключениях не подвергался продлению.

В истории литовского языка, по-видимому, был период, когда продление ударных гласных подчинялось исключительно фонетическим факторам, т. е. единственной позицией, где продление краткого ударного

гласного отсутствовало, были односложные слова и конечные слоги многосложных слов. По утверждению А. Даугавет, продление ударного гласного связано с отношениями между ударным и заударным слогами. В данной позиции отсутствие продления краткого гласного обусловлено тем, что отсутствует следующий слог как таковой [Даугавет 2008: 176].

По утверждению З. Зинкявичюса, до того момента, как краткие ударные гласные в истории литовского языка начали продлеваться, ударение в ряде рассматриваемых морфологических форм занимало другое место. Затем ударение передвинулось, и на новом месте уже не вызывало продления гласного [Zinkevičius 1980: 99-100]. Так, З. Зинкявичюс приводит следующие примеры, подтверждающие его утверждение.

Местоимения *màno*, *tàvo*, *sàvo* 'мой, твой, свой' изначально произносились с ударением на конечном слоге: ср. **manõ*, *tavõ*, *savõ* (ср. *kienõ* 'чей'). Место ударения в форме сравнительной степени прилагательного также является новым, что подтверждают формы типа *bràngesnis* 'более дорогой' (литер. лит. *brangèsnis*), какие можно найти в «Постилле» М. Даукши. Иным было место ударения у прилагательных с определенным окончанием *-asis* (напр., *geràsis* 'хороший'). В части восточноаукштайтских говоров до сих пор встречаются формы со старым ударением на корне или окончании: напр., *gērasai/gerasaĩ*.

Передвинулось ударение и в ряде глагольных форм: *ràsti* < **rastì* 'находить', *ràsiu* < **rasiù* 'найду', *ràstų* < **rastũ*, '(ты) бы нашел' и т. д. Кроме того, краткий гласный мог появляться в ударной позиции по аналогии с другими формами, напр., в форме прошедшего многократного времени *ràsđavo* '(они) имели обыкновение находить'. В формах будущего времени (напр., *ràs* 'найдут'), повелительного наклонения (напр., *ràsk* 'найди'), а также в инфинитиве (напр., *ràst* 'находить'), где краткий конечный гласный мог выпадать, продление гласного отсутствует, как и во всех односложных словах.

По утверждению З. Зинкявичюса, в звукоподражательных словах и междометиях (напр., *bràkštelėti* 'хрустнуть, треснуть', *blèstelėti* 'погаснуть', *bràkšt* 'трах', *blèst* 'мрак') отсутствие продления объяснить невозможно. Подобные формы, как правило, не подчиняются регулярным фонетическим законам (ср. на территории восточноаукштайтского диалекта в звукоподражательных словах сочетания с носовым сохраняются как в литературном языке, на территории «дзукающей» Литвы в

звукоподражательных словах аффрикаты сохраняются без изменений и т. д.).

Когда произошло продление гласных в литовском языке, не установлено. В латышском языке краткий ударный гласный сохраняется без изменений или же вместо гласного продлевается следующий за ним согласный: например, *lapa* [lapra] ‘лист’. Что касается прусского языка, то его данных недостаточно, чтобы говорить о количественных характеристиках гласных в ударной позиции.

Существовала гипотеза, что продление кратких ударных гласных в литовском языке произошло после XIV века, когда Клайпедский край, где продление кратких гласных под ударением отсутствует во всех позициях, отделился от всей остальной Литвы. Тем не менее, этому предположению противоречат два утверждения. Во-первых, на территории Малой Литвы (совр. Калининградская область) краткие гласные *a*, *e* под ударением продлевались. Во-вторых, на территории Клайпедского края встречаются такие примеры, где продление краткого ударного гласного все же имеет место [Zinkevičius 1980: 98-99].

3. Позиционно долгие гласные верхнего подъема в литовских диалектах

В литературном литовском языке продление гласных имеет ограничение со стороны подъема. В литературном литовском и части диалектов продлению подвергаются только гласные нижнего подъема: *nėša* ‘несут’ [nė.ša], *nāmas* ‘дом’ [nā.mas]. В других диалектах данное явление распространяется и на гласные верхнего подъема: ср. литер. *mīškas* ‘лес’, *būvo* ‘был’ и диал. *mī.škas*, *bū.va* [Zinkevičius 1966: 98].

Что касается гласных верхнего подъема, то они, как и в литературном языке, остаются краткими в следующих диалектах: южноаукштайтском, на большей территории западноаукштайтского диалекта, исключая восточные области шяуляйского говора. Продление отсутствует в западножемайтском диалекте и на территории южножемайтского диалекта в расяйнском говоре. На большей территории литовских говоров продление гласных верхнего подъема имеет место.

Прежде чем обратимся к описанию количественных характеристик гласных верхнего подъема, стоит сказать об их качестве. Гласные верхнего

подъема в зависимости от диалекта произносятся по-разному. В аукштайтском наречии гласные *i*, *u* по сравнению с литературным языком произносятся более узко. В жемайтском наречии ситуация иная. Практически на всей территории жемайтского наречия гласным *i*, *u* соответствуют более широкие гласные *o*, *e*. Исключение составляет расяйнский говор на территории южножемайтского диалекта.

По утверждению исследовательницы расяйнского говора Д. Аткочайтите, гласные здесь могут произноситься двояким образом. Так, одни лингвисты считают, что гласные *i*, *u* (особенно на юго-востоке говора) ничем не отличаются от соответствующих гласных литературного языка. Другие исследователи утверждают, что в расяйнском говоре произносятся более широкие гласные верхнего подъема *i*, *u*, которые, тем не менее, не превращаются в гласные *o*, *e*: ср. , *bùva* '(они) были' (литер. лит. *bùvo*), *lìkti* 'оставаться' (литер. лит. *lìkti*). Исследователи (в частности В. Гринавецкий) полагают, что раньше на территории расяйнского говора, как и на всей территории жемайтского наречия, произносились гласные *o*, *e*, которые потом сузились до *i*, *u* [Atkočaitytė 2002: 150].

Как можно видеть по карте в фонетическом атласе литовских диалектов, в западножемайтском диалекте гласные верхнего подъема произносятся двояко. Перед слогом с гласным заднего ряда произносятся краткие *è*, *ò*, а перед слогом с гласным переднего ряда *ì*, *ù*: ср., напр., *lèpa* '(они) лезли' (литер. лит. *lipo*), *lòbas* 'потолок' (литер. лит. *lùbos*), но *dîdis* 'великий' (литер. лит. *didis*), *kepùrė* 'шапка' (литер. лит. *kepùrė*) [LKA II 1982: 37–38, карта № 19].

Рассмотрим количественные характеристики гласных верхнего подъема. В аукштайтском наречии краткие *i*, *u* сохраняются без изменений в южноаукштайтском диалекте и на большей территории западноаукштайтского диалекта (кроме востока шяуляйского говора): напр. , *visas* 'весь' (литер. лит. *visas*), *bùva* '(они) были' (литер. лит. *bùvo*). На востоке шяуляйского говора гласные *i*, *u* подвергаются продлению и реализуются, как полудолгие: напр. , *li.pa* 'лезут' (литер. лит. *lipo*), AkkSg *blù.sa* 'блоху' (литер. лит. *blùsq*) [Kazlauskaitė 2007: 28].

Во всех восточноаукштайтских говорах гласные верхнего подъема продлеваются. Как правило, продленные гласные реализуются как долгие в ширвинтском говоре: напр. , *bùva* 'был' (литер. лит. *bùvo*), *rùdus* 'коричневый' (литер. лит. *rùdas*), *miškus* 'лес' (литер. лит. *miškas*) и как

полудолгие во всех остальных говорах: ср. , *bù.va*, *rù.dvs*, *mí.škus*. [LKTCh 2004: 161].

Что касается жемайтского наречия, то краткие *i*, *u* не продлеваются в расяйнском говоре. К. Буга придерживался другой точки зрения и полагал, что *i*, *u* могут продлеваться до полудолгих гласных в Эржвилкском районе на юго-востоке говора. Однако экспериментальные исследования опровергли это утверждение. Гласные здесь могут продлеваться только в приставках в некоторых словах: напр. , *prí.nešĩ* '(они) нанесли' (литер. лит. *prĩnešė*), *nú.davĩ* '(они) выдали замуж' (литер. лит. *nùdavė*). Продление гласного в этой позиции зависит от интенсивности произношения говорящего [Atkočaitytė 2002: 149].

На большей территории западножемайтского диалекта продление гласных отсутствует. Исключение составляют территории на юге диалекта. Здесь встречаются формы с полудолгими *ė*, *o*: ср., AkkSg *ôė.sa* (литер. лит. *ùsq*), *bô.va* (литер. лит. *bùoo*).

На всей оставшейся территории жемайтского наречия гласные *ę*, *o* подвергаются продлению и, как правило, реализуются, как полудолгие или долгие гласные. В тельшяйском говоре качество гласного зависит от последующего слога. Если в следующем слоге имеются гласные *u*, *u*, *uo*, *i*, *i*, *ie*, тогда произносятся полудолгие гласные *ĩ*, *ũ*: *mĩ.nĩ* 'мнешь' (литер. лит. *mini*), *skũ.tĩ* 'бреешь' (литер. лит. *skuti*). Во всех остальных случаях — *ė*, *o*: ср., *mė.n^o* 'мну' (литер. лит. *minù*), *skô.t^o* 'брею' (литер. лит. *skutu*) [Murinienė 2007: 73]. В кретингском и варняйском говорах произносятся либо полудолгие, либо долгие гласные *ę*, *o*: ср. , AkkSg *kė.t^a* / *kēt^a* 'другую' (литер. лит. *kìtq*), AkkSg *kô.pr^a* / *kō.pr^a* 'горб' (литер. лит. *kùprq*) [LKA II 1982: 38, карта № 19].

4. Длительность позиционно долгих гласных в литовских диалектах

В литературном языке принято считать, что позиционно долгие и исторически долгие гласные полностью совпадают по своему звучанию и произносятся с одинаковой длительностью. В литовских диалектах ситуация иная. В одних говорах позиционно долгие гласные совпадают по своей длительности с исторически долгими, как и в литературном языке, в других произносятся с меньшей длительностью.

Начнем описание с аукштайтского наречия. В части восточноаукштайтских говоров (утянский, аникшчяйский, купишкенский, север вильнюсского говора) позиционно долгие гласные верхнего и нижнего подъема, продлеваясь, реализуются как полудолгие гласные (т. е. уступающие по длительности исторически долгим). На территории этих говоров гласные образуют трехчленное противопоставление по долготе (отдельно о нем пойдет речь в следующем разделе). В купишкенском и аникшчяйском говорах гласные также отличаются по своему качеству: на месте *a*, *e* произносятся *ǎ./ǎ̇*, *ė*. Долгое время было принято считать, что ситуация с позиционно долгими гласными в паневежском говоре не отличается от положения в литературном языке, однако это не так. Применительно к паневежскому говору можем говорить только о двухстороннем противопоставлении гласных по долготе. Тем не менее, позиционно долгие гласные по своей длительности значительно отличаются от гласных литературного языка [Girdenis, Židonytė 1994: 130].

В ширвинтском говоре позиционно долгие гласные верхнего подъема совпадают по длительности с исторически долгими гласными. Таким образом, как сказано в хрестоматии литовских диалектов, продленный гласный в слове *rūdv̄s* ‘коричневый’ (литер. лит. *rūdas*) ничем не отличается от долгого гласного в слове *sūris* ‘сыр’ (литер. лит. *sūris*) или *ž̄iba* ‘сверкают’ (литер. лит. *žiba*) = *gr̄ibas* ‘гриб’ (литер. лит. *gr̄ibas*) [LKTCh 2004: 164]. Длительность позиционно долгих и исторически долгих гласных совпадает, по-видимому, из-за того, что исторически долгие (*ū*, *y*) в этом говоре произносятся более кратко по сравнению с литературным языком. Исторически долгие гласные меньшей длительности встречаются на границе паневежского и аникшчяйского говоров с ширвинтским. В паневежском и ширвинтском говорах различие между позиционно долгими и исторически долгими гласными *a*, *e* настолько незначительно, что они часто приравниваются друг к другу [Zinkevičius 1966: 107].

В южноаукштайтском диалекте продленные гласные *a*, *e* принято считать реализацией долгих гласных. Поскольку в диалекте отсутствуют исторически долгие гласные *a*, *e* восходящие к сочетаниям с носовыми, оппозиция между позиционно долгими и исторически долгими гласными невозможна [Leskauskaitė 2004: 31].

Долгое время считалось, что в западноаукштайтском диалекте позиционно долгие гласные нижнего подъема и исторически долгие (*a*, *e* <*

an, en) произносятся с одинаковой длительностью. Тем не менее, исследовательница каунасского говора Р. Бацевичюте отмечает, что позиционно долгие гласные *a, e* являются реализацией полудолгих гласных (несмотря на то, что литературный язык сформировался на основе каунасского говора) [Vasėvičiūtė 2004: 136].

Обратимся к жемайтскому наречию. Различие между позиционно долгими *ã, ė* и исторически долгими *a, e*, возникшими в результате монофтонгизации дифтонгов *ai, ei* в жемайтском наречии настолько незначительно, что их принято считать реализацией долгих гласных.

Гласные *ę, ą* (на месте гласных верхнего подъема) на большей территории жемайтского наречия реализуются, как полудолгие. На севере жемайтского наречия позиционно долгие гласные *ą, ę*, отличаются от гласных *o, e < *a, e* не только по своему качеству, но и количеству. Продленные гласные произносятся с меньшей длительностью [Zinkevičius 1966: 107].

5. Трехчленное противопоставление гласных по долготе в части восточноаукштайтских говоров

Начиная с работ А. Барановского (Баранаускаса), опубликованных во 2-й половине XIX в., было известно, что в ряде восточноаукштайтских говоров гласные бывают трех типов: краткие, полудолгие и долгие. Этот факт подтверждают в своих работах и К. Явнюс, и К. Буга. Три типа гласных в утянском диалекте получили подробное описание у К. Юргелениса и Я. Геруллеса и, разумеется, в монументальных трудах З. Зинкявичюса.

Вплоть до конца XX века среди лингвистов господствовала точка зрения, что вокализм в части восточноаукштайтских говоров представлен гласными трех типов: краткими, полудолгими и долгими. Однако трехчленную оппозицию по долготе/краткости они не составляют, так как краткие и полудолгие, с одной стороны, и долгие и полудолгие, с другой, находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Полудолгие гласные возможны либо в середине слова в ударной позиции (восходят к кратким гласным, продлившимся под ударением), либо под ударением в конце слова или в безударном слоге (восходят к исторически долгим гласным, которые

подверглись сокращению). Таким образом, в одной позиции полудолгие гласные противопоставлены долгим гласным, а в другой — кратким. Стало быть, полудолгие гласные можно считать аллофонами кратких фонем в ударной позиции, а в безударной позиции и позиции абсолютного конца слова — аллофонами долгих фонем.

Тем не менее, в конце XX в. в распоряжении исследователей оказались новые данные, которые свидетельствовали, что в утянском говоре в середине слова краткие ударные гласные могут и не подвергаться продлению, оставаясь кратким, а в безударной позиции и ударном конце слова гласные могут не сокращаться, оставаясь долгими [Girdenis, Jasiūnaitė 1996: 261–262]. В безударной позиции долгие гласные не сокращаются в следующих случаях: напр., InstSg *dėdì* ‘дядей’ (литер. лит. *dėdė*), *gīvà* ‘живая’ (литер. лит. *gyvà*), *stǝrà* ‘толстая’ (литер. лит. *storà*). Долгие гласные в исходе слова возможны в следующих позициях:

1. именительный падеж причастия действительного залога настоящего времени, напр., вост.-аукшт. *kasĩrs* ‘копающий’ (литер. *kasĩs*), *nǝšĩrs* ‘несущий’ (литер. *nešĩs*), *vǝ.dĩrs* ‘ведущий’ (литер. *vedĩs*), *kasĩr* ‘копающие’ (литер. *kasĩ*), ‘несущие’ [nǝšĩ] (литер. *nešĩ*), *vedĩ* ‘ведущие’ [vǝdu];
2. 3 лицо сослагательного наклонения. Однако формы с долгим гласным здесь встречаются редко, чаще конечный гласный сокращается до полудолгого гласного или даже краткого: напр., *kastĩ* ‘(они) бы копали’ [kastĩ]/[kastũ.], *neštĩ* ‘(они) бы несли’ [nǝštĩ]/[nǝštũ.], *vestĩ* ‘(они) бы вели’ [vǝstĩ]/[vǝstũ.];
3. вторичные окончания (т. е. исторически двусложные окончания, в которых выпал гласный во втором слоге): например, dgs. *il.* [žemė’s] ‘в земли’ (литер. лит. *į žemes*), [akĩ’s] ‘в глаза’ (литер. лит. *į akis*), [lǝukũos] ‘наружу’ (литер. лит. *į laukus*);
4. новый конец слова или односложное слово, которые возникли в результате выпадения гласного в окончании, напр., [sta.vėť] ‘стоять’ (ср. ,. *stovėti*), [rít] ‘глотать’ (ср. ,. *ryti*), [nebėr] ‘не имеется’ (ср. ,. *nebėra*);

Краткие гласные, которые не продлеваются в середине слова, представляют собой известное явление, как для диалектов, так и для литературного языка. Здесь мы не будем подробно останавливаться на всем наборе исключений, где продление краткого гласного отсутствует,

поскольку все исключения будут подробно описаны в следующих разделах. Применительно к утянском говору можем сказать, что краткие гласные в середине слова сохраняются без изменений в формах сослагательного наклонения, напр., *ràšćæ* ‘(я) бы нашел’ (литер. лит. *ràščiau*), *vèšćæ* ‘(я) бы вел’ (литер. лит. *vèščiau*), *rìšćæ* ‘(я) бы вязал’ (литер. лит. *rìščiau*), *ràstum* ‘(ты) бы нашел’ (литер. лит. *ràstum*), *vàstum* ‘(ты) бы вел’ (литер. лит. *vèstum*), *rìštum* ‘(ты) бы вязал’ (литер. лит. *rìštum*) [Girdenis, Jasiūnaitė 1996: 262].

Таким образом, мы видим, что новые данные вынудили исследователей существенно изменить представления о вокалической системе восточноаукштайтских говоров. Как оказалось, гласные фонемы составляют не бинарную, а тринарную оппозицию по долготе/краткости. Противопоставление кратких, полудолгих и долгих гласных возможно абсолютно во всех позициях (т. е. в безударном слоге, в ударной середине слова и ударном конце). В говоре находим следующие минимальные пары:

1. конец слова в ударной позиции (под основным или второстепенным ударением): InstSg *lašù* ‘каплей’ (литер. лит. *lašù*) — GenPlur *lašú*. ‘капель’ (литер. лит. *lašŭ*) — *lašĩ* ‘капая’ (литер. лит. *lašq̃*); InstSg *kasù* ‘копаю’ (литер. лит. *kasù*) — GenPlur *kasú*. ‘кос’ (литер. лит. *kasŭ*), *kasĩ* ‘копая’ (литер. лит. *kasq̃*);
2. середина слова в безударной позиции: NomPlur *rudì* ‘коричневые’ (литер. лит. *rudì*) — Fut3 *ru.dìs* ‘заржавеет’ (литер. лит. *rūdỹs*) — AkkPlurTantum *rudis* ‘ржавчиной’ (*rūdis*);
3. середина слова в ударной позиции: *rìšćæ* ‘(я) бы вязал’ — *rĩšæ*. ‘(они) вязали’ — *rĩšæ*. ‘(они) стали хромыми’; *šùšćæ* ‘(я) бесился бы’ — *šú.štæ*. ‘(они) многократно бесились’ — *šĩštæ*. ‘(они) многократно слали’.

Когда очевидным стал факт наличия троякого противопоставления гласных фонем в утянском говоре, лингвисты обратились к другим восточноаукштайтским говорам, и, таким образом пришли к выводу, что трехчленную оппозицию гласных можно постулировать также для аникшчяйского и купишкенского говоров, а также севера вильнюсского говора [LKTCh 2004: 104, 143, 152].

Однако такая трактовка гласных фонем удовлетворила далеко не всех лингвистов. Для того чтобы ее опровергнуть, некоторыми языковедами была высказана иная интерпретация. В частности еще Й. Казлаускас пытался

объяснить, почему долгие гласные в безударных слогах не подвергаются сокращению: напр., *gíva* ‘живая’ (литер. лит. *gyvà*), *stǝrà* ‘толстая’ (литер. лит. *storà*). По его мнению, фонологическое ударение находится на долгом фонетически безударном слоге, а фонетическое ударение на конечном слоге нефонологично [Girdenis, Jasiūnaitė 1996: 260]. О. Косене, а затем А. Гирдянис (в рецензии на работы Й. Казлаускаса [Girdenis, Žulys 1972: 364–365]) усовершенствовали данную интерпретацию. А. Гирдянис высказал идею, что в описываемых восточноаукштайтских диалектах существуют два типа ударения. Таким образом, формы InstSg *gíva* ‘живой’ (литер. лит. *gyva*), *stóra* ‘толстой’ (литер. лит. *stóra*) имеют один тип ударения, а NSg *gi và* ‘живая’ (литер. лит. *gyvà*), *stǝrà* ‘толстая’ (литер. лит. *storà*) и формы *gíva*, *stóra* в купишкенском говоре — ударение другого типа. А. Гирдянис утверждает, что два типа ударения стоит выделять и в паневежском говоре, т. к. имеем такие оппозиции, как *ǝǝlkʰs* ‘волк’ (литер. лит. *vilkas*) — AkkPlur *ǝǝlkʰs* ‘волков’ (литер. лит. *vilkus*) [Girdenis, Žulys 1972: 365].

А. Гирдянис предлагает ввести идею о двух типах ударения и в литературный язык. Таким образом, под одним типом ударения гласный продлевается, а под другим остается кратким: напр., *màno* ‘мой’ [màno], *māno* ‘думают’ [mā.no].

Понятие мор удобно не только для описания просодических элементов, но и количественных характеристик гласных в части восточноаукштайтских говоров. Поскольку на территории этих говоров гласные фонемы образуют трехчленную оппозицию по долготе, А. Барановский считал долгие гласные сочетанием трех кратких фонем (мор), а полудолгие — двух [Girdenis 2003: 287]. Таким образом, в ряде восточноаукштайтских говоров имеем: NSg *gívas* ‘живой’ /ǝiivas/ (литер. лит. *gyvas*) — GenSg *gi.vú.* ‘живых’ /ǝiivù/ (литер. лит. *gyvų*), *púɔdas* ‘горшок’ /púɔadas/ (литер. лит. *púodas*) — *pa.dú.kas* ‘чашка’ /paaduukas/ (литер. лит. *puodukas*).

Часть II. Условия появления позиционно долгих гласных в литовских диалектах

1. Односложные слова.

Конечный слог многосложного слова.

1.1. Односложные слова.

Ранее мы рассмотрели набор исключений, где краткий гласный не подвергается продлению, в литературном языке. Обратимся к диалектам литовского языка. Так же как и в литературном языке, в диалектах краткий гласный остается без изменений в односложном слове и конечном слоге многосложного слова. Однако в диалектах состав односложных слов расширяется за счет таких слов, которые стали односложными в результате сокращения и последующего выпадения конечного гласного: например, *žàd* ‘обещают’ (литер. лит. *žãda*), *mèt* ‘бросают’ (литер. лит. *mēta*), *bùc* ‘квартира’ (литер. лит. *bùtas*), *lìp* ‘лезут’ (литер. лит. *lìpa*). Выпадение конечного согласного в основном происходит на территории жемайтского наречия, в аукштайтском наречии конечный гласный, как правило, остается без изменений.

В литературном языке краткий ударный гласный в односложном слове никогда не продлевается (за исключением местоимения *mēs*, о котором речь пойдет позднее): напр., *àš* ‘я’, *gàs* ‘найдет’. Такая же ситуация наблюдается и в диалектах литовского языка. Краткие гласные *a*, *e* остаются без изменений абсолютно во всех говорах: например, *àš* ‘я’, *kàd* ‘что’, *tà* ‘та’, *bè* ‘без’, *bèt* ‘но’. Гласные верхнего подъема в диалектах (как и в литературном языке) никогда не продлеваются: напр., *bùs* ‘будут’, *tù* ‘ты’, *jìs* ‘он’, *dvì* ‘две’.

Гласные нижнего подъема подвергаются продлению только в отдельных словах в некоторых говорах. Формы с продленным долгим гласным употребляются факультативно, как правило, наряду с формами с кратким гласным. Как указывает З.°Зинкявичюс в «Диалектологии литовского языка», краткий гласный может подвергаться продлению в таких односложных словах, как *ãš* ‘я’ (литер. лит. *àš*), *bē* ‘без’ (литер. лит. *bè*), *bēt* ‘но’ (литер. лит. *bèt*), *nēs* ‘но’ (литер. лит. *nès*) и некоторых других

[Zinkevičius 1966: 104]. З. Зинкявичюс говорит, что на территории южноаукштайтского диалекта и западноаукштайтского в паневежском и аникшчяйском говорах гласный *a* в местоимении *aš* дает гласный среднего подъема *ɛ*, который продлевается до полудолгого: *ɔ̃.š*. Продление гласного в этом случае следует объяснять параллельным употреблением формы *āšen* с долгим гласным в аникшчяйском говоре (*ɔ̃.šēn*). Тем не менее, в описании паневежского говора нам не удалось найти формы местоимения *aš* с позиционно долгим гласным, а описания аникшчяйского говора мы, к сожалению, не имеем.

Отдельное внимание стоит уделить количественным характеристикам гласного *e* в местоимении *mēs* 'мы'. В литературном языке краткий гласный *e* в местоимении *mēs* продлевается и реализуется как долгий. В большинстве диалектов литовского языка продление гласного отсутствует. Однако в некоторых говорах гласный может продлеваться. При этом наряду с формой *mēs* (или его фонетическим вариантом *mās*) встречается форма *mēs̄* с исторически долгим гласным. Так, гласный продлевается на юге и юго-востоке расяйнского говора (южножемайтский диалект) в районах Эржвилкиса, Пауписа, Пашалтуониса, Расяйняй. Здесь гласный, продлеваясь, реализуется как полудолгий: *mė̇.s* [Zinkevičius 1966: 104].

Исследовательница северожемайтского диалекта Л. °Муринене указывает на то, что в тельшяйском говоре по аналогии с местоимением *jūs* 'вы' долгий гласный встречается и в местоимении *mes*. В Папильском и Акмянском районах тельшяйского говора на месте гласного *e* произносится долгий *a* с акутовой интонацией: *má̇.s*. Тем не менее, на территории того же говора в Вягряйском и Клуконисском районах гласный *a* остается кратким: *màs*. Наряду с формами *má̇.s*, *màs* на всей территории тельшяйского говора встречаются формы с кратким или полудолгим *e*: *mès*, *mė̇.s* [Murinienė 2007: 72].

На территории утянского говора восточноаукштайтского диалекта гласный *e* в местоимении реализуется, как полудолгий (*mă̇.s*) [Girdenis, Jasiūnaitė 1996: 262]. Вероятно, гласный в этой позиции продлевается также в купишкенском и аникшчяйском говорах. Однако, в связи с отсутствием описаний этих говоров, мы не можем быть уверенными в наличии продления.

Гласные верхнего подъема, оказавшись в новом односложном слове, никогда не продлеваются и всегда остаются краткими. Иначе с гласными нижнего подъема. В односложных словах, образовавшихся вследствие выпадения конечного гласного, продление гласных нижнего подъема, как правило, отсутствует во всех говорах жемайтского наречия. В частности, на территории северожемайтского диалекта в тельшяйском и кретингском говорах : напр., *lāk* ‘лакают’ (литер. лит. *lāka*), *ràc* ‘колесо’ (литер. лит. *rātas*), *lēs* ‘лед’ (литер. лит. *lēdas*), *vēd* ‘(они) ведут’ (литер. лит. *vēda*). В варнейском и расяйнском говорах южножемайтского диалекта гласные *a*, *e* также не продлеваются: напр., *žād* ‘обещают’ (литер. лит. *žāda*), *ràks* ‘рог’ (литер. лит. *rāgas*), *kvēp* ‘пахнут’ (литер. лит. *kvēpia*) и т. д. [ЛКА II 1982: 21, карта № 1].

Продление гласного становится возможным, если в сократившемся слове гласные *a*, *e* оказываются в составе дифтонгического сочетания. В этом случае гласный продлевается во всех говорах и реализуется как долгий: *gâls* ‘конец’ (литер. лит. *gālas*), *gê.r* ‘пьют’ (литер. лит. *gēria*).

Однако имеется ряд областей на территории жемайтского наречия, где продление гласного (не в составе дифтонгического сочетания) имеет место. Так, гласный продлевается на юге и юго-востоке расяйнского говора в районах Эржвилкаса, Пауписа, Пашалтуониса, Расяйняй. Продлившийся гласный может реализоваться как полудолгий: *nĕ.š.* ‘несут’ (литер. лит. *nėša*) или как долгий: *žād* ‘обещают’ (литер. лит. *žāda*), *lāps* ‘лист’ (литер. лит. *lāpas*) [Atkočaitytė 2002: 148]. Также продлевается гласный на юго-западе западножемайтского диалекта: *žād*, *vēd* ‘ведут’ (литер. лит. *vēda*) [Grinaveckis 1973: 153].

Иначе дело обстоит с аукштайтским наречием. Как правило, краткий гласный здесь не выпадает, а если выпадает, то, как правило, продлевается до полудолгого: *nĕ.š.*, *žā.d* [Kardelis 2003: 38]. Тем не менее, и на территории аукштайтского наречия можем найти области, где продление в словах с выпавшим гласным отсутствует. Это области, граничащие с жемайтским наречием. По-видимому, гласный здесь не продлевается под влиянием жемайтских говоров.

1.2. Конечный слог многосложного слова.

Абсолютно во всех говорах аукштайтского и жемайтского наречия гласные нижнего подъема в конечном слоге многосложного слова, как и в литературном языке, остаются краткими: напр. , InstSg *šakà* ‘веткой’, InstSg

katè ‘котом’, AkkPlur *šakàs* ‘ветки’, AkkPlur *katès* ‘котов’. В жемайтском наречии и на приграничных территориях западноаукштайтского диалекта в каунасском говоре рядом с формами *žàd*, *lèc* произносятся *nabàks/nàbàks* ‘бедный’ (литер. лит. *nabãgas*), *lêkèc/lêkêc* ‘сосулька’ (литер. лит. *lekêtas*). В говорах аукштайтского наречия гласные нижнего подъема, оказавшись в исходе слова, не сокращаются: ср. , *nabãks*, *lekêc* [Zinkevičius 1966: 104].

Гласные верхнего подъема в абсолютном конце слова также остаются краткими во всех литовских говорах: напр. , *gražùs* ‘красивый’, *nešù* ‘несу’, *gražì* ‘красивая’, *nešì* ‘несешь’, в северожемайтском диалекте: напр. , *berníùks* ‘мальчик’ (литер. лит. *berniùkas*), *nešìks* ‘носильщик’ (литер. лит. *nešikas*) [Zinkevičius 1966: 108]. Много интереснее, на наш взгляд, является случай, где гласные верхнего подъема продлеваются в исходе слова. Это происходит в восточноаукштайтском диалекте на территории вильнюсского говора в Мелагенском районе. Наряду с краткими гласными *i*, *u* в абсолютном конце слова встречаются полудолгие *í*, *ú* с т. н. средней интонацией: *visì/visì* ‘все’ (литер. лит. *visi*), *dviì/dviì* ‘две’ (литер. лит. *dvi*), *tadù/tadù* ‘тогда’ (литер. лит. *tada*) [Kardelis 2006: 30–31]. По утверждению В.Кардялиса, полудолгие гласные в исходе слова встречаются не только в Мелагенском районе, но и в других областях вильнюсского говора. Границы распространения полудолгих гласных установить невозможно в связи с отсутствием на сегодняшний день экспериментальных исследований по данному вопросу. 3. Зинкявичюс также говорит о позиционно долгих гласных верхнего и нижнего подъема в конечных слогах на территории восточноаукштайтского диалекта (на границе с Белоруссией). По его мнению, продление кратких гласных стоит объяснять влиянием восточнославянских языков [Zinkevičius 1966: 104].

2. Личные местоимения *mano*, *tavo*, *savo*

В литературном языке краткий ударный гласный *a* в личных местоимениях *màno*, *tàvo*, *sàvo* ‘мой, твой, свой’ продлению не подвергается и сохраняется без изменений. Иная ситуация складывается в литовских диалектах. В одних диалектах ударный гласный *a* может продлеваться, в других — оставаться кратким. В зависимости от диалекта гласный *a* продлевается как до долгого гласного, не отличаясь при этом по звучанию от исторически долгого циркумфлексного гласного *ã* в литературном языке,

так и до полудолгого гласного *á.*, произносящегося в диалектах более кратко с т. н. средней интонацией.

Карта в фонетическом атласе литовских диалектов и сопровождающие ее комментарии дают более подробную (по сравнению с описаниями отдельных говоров) характеристику фонетических особенностей гласного *a* в местоимениях *mano*, *tavo*, *savo*, поэтому, описывая поведение краткого гласного в диалектах, мы в значительной мере опирались именно на данные фонетического атласа [ЛКА II 1982: 21-22, карта № 2].

Далее подробно рассмотрим количественные характеристики ударного гласного *a* в местоимениях *mano*, *tavo*, *savo* на территории всех диалектов. Начнем описание с тех диалектов, где продление гласного в личных местоимениях отсутствует.

Краткий ударный гласный *a* в личных местоимениях *mano*, *tavo*, *savo* остается без изменений на территории западноаукштайтского диалекта в каунасском говоре и на западе шяуляйского говора, а также на большей территории южноаукштайтского диалекта: *màno*/*màna*/*màn^a*/*màni*, *tàvo*/*tàva*/*tàv^a*/*tàvu*, *sàvo*/*sàva*/*sàv^a*/*sàvu*. При этом конечному *o* соответствует гласный *u* или гласный *a*, который, в свою очередь, может редуцироваться. (Однако поскольку нас интересуют количественные характеристики краткого гласного в корне, мы не будем подробно останавливаться на описании процессов, происходящих с конечным гласным). В каунасском говоре помимо выше перечисленных форм встречаются формы *tào*, *sào* с кратким гласным *a*. Тем не менее, даже в тех диалектах, для которых продление гласного в составе местоимений *mano*, *tavo*, *savo* не характерно, иногда встречаются случаи, свидетельствующие об обратном. Так, исключения составляют восточные области западноаукштайтского и южноаукштайтского диалектов, где краткий гласный *a*, продлеваясь, реализуется как полудолгий: *má.na.*, *tá.va.*, *sá.va.* Наличие исключений можно объяснить близостью соседнего восточноаукштайтского диалекта, для которого, в основном, свойственно продление ударного гласного *a* в составе личных местоимениях [Kažukauskaitė 2007: 28].

На территории южноаукштайтского диалекта полная форма местоимений *mano*, *tavo*, *savo* употребляется редко. Значительно чаще встречается краткая форма (без заударного слога) с кратким гласным *a*, т. е. *mà*, *tà*, *sà*, которая в центральной части южноаукштайтского диалекта в

редких случаях может принять вид *mã*, *tã*, *sã* с долгим *a* [Leskauskaitė 2004: 36].

Что касается жемайтского наречия, то здесь продление краткого гласного в местоимениях *tavo*, *savo* ‘твой, свой’ отсутствует в западножемайтском диалекте, в расяйнском говоре южножемайтского диалекта, а также на востоке варнейского говора: *tàva*, *sàva* [Grinaveckis 1973: 129]. Местоимение *mano* ‘мой’ представляет собой особый случай, т. к. в жемайтском наречии соответствующий корень изначально содержал другой гласный, а именно *u* (*mùna* ‘мой’), который закономерно дает *o* на северо-востоке варнейского говора и центральной части расяйнского говора (*mòna*). Тем не менее, так же как и в местоимениях *tavo*, *savo* этот гласный остается кратким. Наряду с формами *mùna*, *mòna* на востоке расяйнского и варнейского говоров местоимение *mano* встречается с кратким гласным *a*: *màna*, что, скорее всего, следует объяснять влиянием соседних аукштайтских говоров.

Во всех остальных диалектах краткий гласный *a* продлевается. В большинстве говоров аукштайтского наречия гласный *a* подвергается продлению и реализуется как полудолгий или долгий. В западной части аукштайтского наречия позиционно долгий гласный *a* произносится более кратко, на востоке — более долго. Тем не менее, точно определить границу между западной и восточной областями невозможно [ЛКА II 1982: 21–22 карта № 2].

В купишкенском и аникшчяйском говорах восточноаукштайтского диалекта гласный *a* подвергается продлению и реализуется как полудолгий: *mó.na.*, *tá.va.*, *sá.va.*

Для большей части жемайтского наречия характерно продление *a* до полной долготы, так что в результате продленный гласный совпадает по звучанию с долгим *a*, образовавшимся после монофтонгизации *ai* (напр., *vãks* < *vaikas* ‘ребенок’). Позиционно долгий *a* встречается на территории северожемайтского диалекта в кретингском и тельшяйском говорах, а также на большей территории варнейского говора: *tãva/tãv^a*, *sãva/sãv^a* ‘твой, свой’. На этой же территории в местоимении *mano* на месте *a* встречается *o*, который также подвергается продлению и реализуется как полудолгий (*mò.na/mò.n^a*) или как долгий на севере тельшяйского и кретингского говоров (*mõ.n^a*).

3. Суффиксы сравнительной степени прилагательного -*esnis*/*-esnė*.

Краткий ударный гласный *e* в суффиксах *-esnis*/*-esnė* сравнительной степени прилагательного (напр., литер. лит. *gerėsnis* ‘лучший’, *gerėsnė* ‘лучшая’) остается кратким довольно редко. В большинстве диалектов в составе таких форм гласный *e* подвергается продлению. Рассмотрим сначала диалекты, где краткий гласный остается без изменений.

Продление краткого гласного *e* отсутствует в следующих диалектах: южноаукштайтском (напр., *platėšni*. ‘более широкая’ (литер. лит. *platėsnė*), *plonėšni* ‘более худая’ (литер. лит. *plonėsnė*) [Leskauskaitė 2004: 33]), западноаукштайтском на территории каунасского говора (*mažėšni*. ‘более маленькая’ (литер. лит. *mažėsnė*) [Vacevičiūtė 2004: 147]), в расяйнском говоре южножемайтского диалекта и на юго-востоке варнейского говора (*gražėsnės* ‘более красивой (GSg)’ (литер. лит. *gražėsnės*), *pilnėšnei* ‘более полной (DSg)’ (литер. лит. *pilnėšnei*) [Atkočaitytė 2002: 147]. Согласно фонетическому атласу диалектов литовского языка краткий гласный *e* имеется на большей территории западножемайтского диалекта за исключением его южных областей [LKA II 1982: 32-33, карта №14].

По утверждению Л. Муринене, краткий гласный *e* также не продлевается в северожемайтском диалекте на востоке тельшяйского говора: *prastėšni's* ‘более плохой’ (литер. лит. *prastėsnis*), *mažėšni's* ‘более маленький’ (литер. лит. *mažėsnis*). Однако уже на юге тельшяйского говора в Папильском районе гласный *e* в суффиксе прилагательного сравнительной степени подвергается продлению и реализуется как полудолгий гласный: *prastė.šni's*, *mažė.šni's* [Murinienė 2007: 76]. К сожалению, карта, иллюстрирующая произношение гласного *e* в суффиксах сравнительной степени прилагательных в фонетическом атласе диалектов литовского языка, не отражает в данном случае особенности произношения гласного *e* в суффиксах *-esnis*/*-esnė* в тельшяйском говоре.

Случаи, в которых продление гласного отсутствует, были зафиксированы на территории западноаукштайтского диалекта на западе и юго-востоке шяуляйского говора, на территории восточноаукштайтского диалекта на юге ширвинтского говора. Однако такие примеры единичны и были обнаружены на карте в фонетическом атласе диалектов литовского языка [LKA II 1982: 32-33, карта №14].

В перечисленных ранее диалектах, где краткий гласный *e* в суффиксе сравнительной степени прилагательного остается без изменений, имеется ряд исключений, т. е. областей, где продление гласного все же происходит. Рассмотрим их.

По утверждению А. Ляскаускайте, продление гласного происходит на севере и северо-востоке южноаукштайтского диалекта [Leskauskaitė 2004: 36]. (К сожалению А. Ляскаускайте не сопровождает свое утверждение конкретными примерами). На территории южножемайтского диалекта в расяйнском говоре в Куртвенском и Куршенском районах краткий гласный *e* продлевается до долгого: *gerė̃sni* ‘более хорошая’ (литер. лит. *gerė̃snė*) [Grinaveckis 1973: 226].

За исключением выше перечисленных территорий литовских говоров, где краткий *e* в суффиксах *-esnis/-esnė* сохраняется без изменений, краткий ударный гласный подвергается продлению. Так, в северожемайтском диалекте и варнейском говоре южножемайтского диалекта гласный *e*, продлеваясь, реализуется как долгий гласный *e*: *jaiũė̃s̃ñis, jaiũė̃s̃ñe/ jaiũė̃s̃ñi*. ‘более красивый, красивая’ (литер. лит. *jaunė̃snis, jaunė̃snė*). На большей территории восточноаукштайтского диалекта гласный *e* продлевается. Однако сами диалектологи (в частности В. Кардялис) признают, что со слуха определить долготу гласного невозможно, поэтому принято считать, что гласный *e* в этом диалекте может продлеваться как до полудолгого, так и до долгого. Приведем примеры: *jaiũė̃s̃ñis/jaiũė̃.s̃ñis/jaunė̃.s̃ñi.s, jaiũė̃s̃ñe/jaiũė̃s̃ñe./jaiũė̃.s̃ñe* и т. д. .

По утверждению З. Зинкявичюса, на территории Малой Литвы (совр. Калининградская область) гласный *e* в суффиксе сравнительной степени прилагательного продлевался и произносился как долгий. Это утверждение основывается на форме *ġerė̃sne* ‘более хорошая’ (литер. лит. *gerė̃snė*) с позиционно долгим гласным *e* в грамматике Ф. Куршата [Zinkevičius 1966: 105].

4. Глагольные приставки. Двусложный инфинитив и глагольные формы, образованные от его основы.

В данном разделе рассмотрим поведение кратких ударных гласных верхнего и нижнего подъема в составе инфинитива первичных глаголов и других формах, образованных от его основы, а также в глагольных

приставках. Начнем описание с гласных нижнего подъема. Мы объединили описание этих двух позиций в одном разделе, поскольку в комментариях к фонетическому атласу литовских диалектов сказано, что территории диалектов, где краткий гласный подвергается продлению в инфинитиве и ряде глагольных форм, полностью совпадают с территориями, где краткий ударный гласный *a*, *e* продлевается в глагольных приставках [ЛКА II 1982: 31–32, карта №13]. Это позволило нам совместить здесь описание двух позиций. К сожалению, в комментариях к карте в фонетическом атласе не даны примеры других глагольных форм, образованных от основы инфинитива, где краткий ударный гласный меняет свои количественные характеристики. Такие примеры можем найти в описаниях отдельных говоров.

В литературном литовском языке продление краткого ударного гласного отсутствует в составе инфинитива первичных глаголов, в образованных от его основы других формах, а также в глагольных приставках (об этом речь велась ранее). Иначе дело обстоит в диалектах литовского языка. Краткие ударные гласные *a*, *e* здесь могут сохраняться без изменений или продлеваться, становясь долгими или полудолгими. Начнем описание с тех говоров, где продление кратких ударных гласных *a*, *e* отсутствует.

На территории аукштайтского наречия продление кратких ударных гласных *a*, *e* в инфинитивах и глагольных приставках отсутствует в следующих диалектах: южноаукштайтском, а также в западноаукштайтском диалекте в каунасском говоре и шяуляйском за исключением его восточных областей

На большей территории южноаукштайтского диалекта в инфинитиве и глагольных формах, образованных от его основы, *a*, *e* остается без изменений: *ràšc* ‘находить’, *vèšc̆*, ‘везти’ (литер. лит. *ràsti*, *vèžti*) [ЛКА II 1982: 31–32, карта № 13]. Исследовательница южноаукштайтского диалекта А. Ляскаускайте приводит следующие примеры глагольных форм: *vèšimę.s* ‘будем везти с собой’ (литер. лит. *vèšimės*), *atnèšk* ‘принеси’ (литер. лит. *atnèšk*), *sèkit* ‘следуйте’ (литер. лит. *sèkit(e)*), *išnèšc̆iaũ* ‘(я) бы вынес’ (литер. лит. *išnèšc̆iaũ*) [Leskauskaitė 2004: 34]. Продление также отсутствует в глагольных приставках, например: *àpsuku* ‘оборачиваю’, *àtvèžu* ‘отвожу’, *nèkalbu* ‘не говорю’ (литер. лит. *àpsuku*, *àtvežu*, *nèkalbu*) [ЛКА II 1982: 31–32, карта № 13].

Отдельно стоит упомянуть северную и северо-восточную части южноаукштайтского диалекта, поскольку на этой территории краткий ударный гласный в инфинитиве и ряде глагольных форм продлевается и становится долгим: *rāšfē./rāšc* ‘находить’ (литер. лит. *ràsti*) [LKA II 1982: , карта №], а в приставках остается кратким: *nèdave* ‘(они) не дали’ (литер. лит. *nèdavé*), *pàkeru* ‘(я) поджариваю’ (литер. лит. *pàkeru*), *pàtepa* ‘(они) мажут’ (литер. лит. *pàtepa*) [Leskauskaitė 2004: 34]. Однако по данным фонетического атласа, гласный продлевается и в приставке, а именно: *pãvėžu, ãrñešu, ñãtušu* ‘подвожу, обношу, не бью’ (литер. лит. *pàvėžu, àrñešu, nètumušu*) [LKA II 1982: карта № 13].

На территории западноаукштайтского диалекта краткие ударные гласные *a, e* никогда не продлевается в каунасском говоре. Здесь имеем следующие примеры: *vèzdavau* ‘(я) возил’ (литер. лит. *vèždavau*), *susiràsti* ‘найти’ (литер. лит. *susiràsti*), *kèps* ‘будет печь’ (литер. лит. *kèps*) [Bacevičiūtė 2004: 147], *pàñeša* ‘понесут’, *ñèmeta* ‘не бросают’ (литер. лит. *pàneša, nèmeta*) [LKA II 1982: , карта № 13].

В шяуляйском говоре западножемайтского диалекта краткий гласный в приставках, инфинитиве и глагольных формах, образованных от его основы, сохраняется без изменений на большей территории, о чем свидетельствуют данные карты в фонетическом атласе. Однако на востоке говора в Байсогальском, Кедайнском и Йонавском районах краткие ударные гласные все же продлеваются в глагольных приставках (напр., *prãtušė* ‘(они) пробрили’, ср. литер. лит. *pràtušė*), в инфинитиве и ряде глагольных форм (напр., *nėšf* ‘нести’, *nãždava* ‘(они) носили’, ср. литер. лит. *nėšti, nėšdavo*) [Kažukauskaitė 2007: 28].

В восточноаукштайтском диалекте краткие гласные *a, e* (также гласный *i*) не продлеваются в формах 1-го и 2-го лица sing. и 2-го лица plur. сослагательного наклонения: напр., *ràšcã* ‘(я) бы находил’ (ср., *ràščiau*), *vèšcã* ‘(я) бы вез’ (ср., *vèščiau*), *rìšcã* ‘(я) бы вязал’ (ср., *rìščiau*), *ràstum* ‘(ты) бы находил’ (ср., *ràstum*), *vàštum* ‘(ты) бы вез’ (ср., *vèstum*), *rìštum* ‘(ты) бы вязал’ (ср., *rìštum*) [Girdenis, Jasiūnaitė 2001: 262].

Что касается жемайтского наречия, то здесь продление гласного отсутствует в западножемайтском диалекте и южножемайтском на территории расяйнского и востока варнейского говоров.

Д. Аткачайтите, исследовательница южножемайтского диалекта, приводит следующие примеры, где ударный гласный остается кратким в

приставке и ряде глагольных форм: *pakəbdawa* ‘(они) пекли’ (литер. лит. *pakəpdavo*), *nu'vèždàw^a* ‘(они) увозили’ (литер. лит. *nuvèždavo*), *pràded* ‘начинают’ (литер. лит. *pràdeda*), *àtveži* ‘(они) отвезли’ (литер. лит. *àtvežė*), *pàwuog^e* ‘(они) украли’ (литер. лит. *pàvogė*), *nədawⁱ* ‘(они) не дали’ (литер. лит. *nėdavė*) [Atkočaitytė 2002: 146].

Как известно западножемайтский диалект (за исключением его южных областей) представляет собой единственный литовский диалект, где краткие ударные гласные *a*, *e* нигде и никогда не продлеваются. Не происходит продления и в глагольных приставках, а также в инфинитиве и абсолютно во всех глагольных формах, которые можно от него образовать.

На территории всех остальных диалектов краткий ударный гласный *a*, *e* в рассматриваемых формах продлевается. Так, соответствующие примеры из восточноаукштайтского диалекта выглядят как *ká.šf/kāšf* ‘копать’ (литер. лит. *kàsti*), *ôé.šf/ôēšf* ‘везти’ (литер. лит. *vėžti*), *pá.mēf/pāmēf./pāmēf* ‘(они) подбросили’ (литер. лит. *pàmetė*). Однако точно определить количественные характеристики позиционно долгого гласного невозможно, т.е. нельзя точно сказать, реализуется ли продленный гласный как полудолгий или долгий. Принято считать, что на северо-западе восточноаукштайтского диалекта продленный гласный произносится более кратко с т.н. средней интонацией (напр., *ká.šf* ‘копать’, *pá.dēda* (они) помогают’, ср. литер. лит. *kàsti*, *pàdeda*), а на юго-востоке диалекта в утянском, вильнюсском и ширвинтском говорах — более долго с циркумфлексной интонацией (напр., *kāšf*, *pādeda*).

Как мы отмечали ранее, карта в фонетическом атласе литовских диалектов, к сожалению, не отражает особенностей поведения краткого ударного гласного в ряде глагольных форм. Поэтому информация о том, что продление краткого гласного во втором лице повелительного наклонения в восточноаукштайтском диалекте, на карте была не отображена. Данные сведения нам удалось обнаружить в работе В. Карделиса [Kardelis 2003: 36], который приводит следующие примеры: *iškàš* ‘выкопай’, *neišmēt* ‘не выбрасывай’ (литер. лит. *iškàsk*, *neišmèsk*). Кратким остается гласный в форме сослагательного наклонения на территории утянского и купишкенского говоров: *ràšćæ* ‘(я) бы нашел’ (литер. лит. *ràščiau*), *vèšćæ* ‘(я) бы вез’ (литер. лит. *vėščiau*), *ràstum* ‘(ты) бы нашел’ (литер. лит. *ràstum*), *vèštum* ‘(ты) бы вез’ (литер. лит. *vėžtum*) [Girdenis, Jasiūnaitė 1996: 262].

Что касается жемайтского наречия, то краткий ударный гласный подвергается продлению в северожемайтском диалекте и в южножемайтском диалекте на территории варнейского говора. Здесь, продлеваясь, гласный реализуется как долгий и произносится с циркумфлексной интонацией: *kāšī̃* ‘копать’ (литер. лит. *kàsti*), *rāšī̃* ‘находить’ (литер. лит. *ràsti*), *ātvā̃d* ‘приводят’ (литер. лит. *àtveda*), *prāñā̃š* ‘сообщают’ (литер. лит. *pràneša*).

Краткий ударный гласный *e* в глагольных приставках на территории варнейского и тельшяйского говоров дает гласный *a*, который подвергается продлению и реализуется как долгий гласный: *nāñā̃š* ‘не несут’, *tāvā̃d*, ‘ведут’ (литер. лит. *nèneša*, *tèveda*). На территории западножемайтского диалекта гласный *e* в приставках *ne-*, *neb-*, *te-*, *teb-* также переходит в *a*, однако своих количественных характеристик не меняет: *tābñā̃š*, *nābvā̃d* ‘(они) несут, (они) не ведут’ (литер. лит. *tebèneša*, *nebèveda*) [LKA II 1982: 31–32, карта № 13].

Данных о продлении гласных верхнего подъема гораздо меньше, поскольку карты в фонетическом атласе, отражающей произнесение гласных *i*, *u* на территории литовских говоров, нет. На большей территории восточноаукштайтского диалекта краткие ударные гласные сохраняются без изменений в глагольных формах, образованных от основы инфинитива и в приставках. Так, в вильнюсском говоре краткий гласный встречается в формах повелительного наклонения: напр., *surī̃š* ‘свяжи’ (литер. лит. *surīšk*), сослагательного наклонения: напр., *likce* ‘(я) бы остался’ (литер. лит. *likčiau*), *lūpce* ‘(я) бы отодрал’ (литер. лит. *lūpčiau*), в форме Fut3: *skūsi* ‘будешь брить’ (литер. лит. *skūsi*), *rīši* ‘свяжешь’ (литер. лит. *rīši*), а также в действительном причастии прошедшего времени: *rīšu.s* ‘завязывавший’ (литер. лит. *rīšiqs*) [Kardelytė, Sriubienė 2006: 23]. В утянском говоре (по-видимому, в купишкенском и аникшчяйском также) гласный не продлевается в формах сослагательного наклонения: напр., *rīščæ* ‘(я) бы вязал’ (ср., *rīščiau*), *rīstum* ‘(ты) бы вязал’ (ср., *rīstum*) [Girdenis, Jasiūnaitė 2001: 262]. В восточноаукштайтском диалекте гласные верхнего подъема остаются краткими в глагольных приставках: напр., *nūnešė* ‘(они) унесли’, *sūnešė* ‘(они) нанесли’, *išnešu* ‘(они) вынесли’, *prīnešu* ‘принесу’ [Zinkevičius 1966: 108].

5. Местоименное окончание прилагательного *-asis*.

В литературном языке местоименные формы прилагательных *nom. sing.* мужского рода образуются с помощью добавления форманта *-asis* (т. н. определенное или местоименное окончание) к основе неопределенной формы прилагательного *a*-основы (напр., *gēras* — *geràsis* ‘хороший’). В форме *nom. sing.* мужского рода формант *-asis* всегда является ударным, а гласный не подвергается продлению. Отсутствие продления краткого гласного в определенном окончании объясняется сменой места ударения, которое раньше падало на другой слог (напр., *brángusis* ‘дорогой’ и тот же *geràsis* в текстах XVI–XVII вв. [см. Zinkevičius 1980: 99]). Рассмотрение диалектов представляет интерес, поскольку в некоторых из них мы можем найти старое место ударения в формах местоименных прилагательных.

Реализация форманта *-asis*, аналогичная принятой в литературном литовском языке, т. е. под ударением, которое, к тому же, сопровождается краткостью ударного гласного, распространено не так широко. Так, произношение определенного прилагательного полностью совпадает с литературным языком на всей территории западноаукштайтского диалекта (в каунасском и шяуляйском говорах), а также в южножемайтском диалекте на территории расяйнского говора: *geràsis* ‘хороший’, *senàsis* ‘старый’, *šaltàsis* ‘холодный’. Исключение составляет восток шяуляйского говора, где гласный *a* продлевается до полудолгого и произносится с т. н. средней интонацией: напр., *aukštá.šis* ‘высокий’ (литер. лит. *aukštàsis*), *mažá.sis* ‘маленький’ (литер. лит. *mažàsis*), *šená.šis* ‘старый’ (литер. лит. *senàsis*) [LKA II 1982: 126-127, карта № 107].

На всей остальной территории литовских говоров ситуация обстоит иначе. Формант *-asis*, как правило, является безударным, или же несет второстепенное (т. н. перенесенное) ударение, которое, естественно, слабее основного.

Как можно видеть по карте в фонетическом атласе литовских диалектов, на всей оставшейся территории жемайтского наречия (в западножемайтском, северожемайтском диалектах, а так же в южножемайтском на территории варнейского говора) в прилагательных с местоименным окончанием ударным является корень. Обычно формант *-asis*

здесь долгий. Он получает второстепенное перенесенное ударение³ и произносится с циркумфлексной (на территории варнейского говора) или прерывистой (в кретингском и тельшяйском говорах) интонацией: *jâunã̃̀sis/jâunẫ̀sis* ‘молодой’ (литер. лит. *jaunàsis*), *õntrã̃̀sis/õntrẫ̀sis* ‘второй’ (литер. лит. *antràsis*), *šẽnã̃̀sis/šẽnẫ̀sis* ‘старый’ (литер. лит. *senàsis*). Перенесенное ударение отчетливо слышится в центральной части расяйнского говора, а на востоке и западе варнейского говора оно едва уловимо. Тем не менее и в таких случаях гласный *a* (по-видимому, по аналогии с формами, где перенесенное ударение звучит достаточно четко) продлевается и произносится как долгий гласный: ср., *jáunã̀sis*, *kãltã̀sis/kãltã̀sis*, *šẽnã̃̀sis*. На западе варнейского говора перенесенное ударение совсем не слышно. Здесь гласный *a* не продлевается и остается кратким: ср., *jáunã̀sis*, *šẽnã̃̀sis*, *raĩtã̀sis* ‘конный’ (литер. лит. *raitàsis*).

Что касается восточноаукштайтского диалекта, то в образовании формы местоименного прилагательного здесь участвует формант *-asai*. На большей территории восточноаукштайтского диалекта ударным является корень или окончание *-asaĩ*, т. е. сохраняется старое место ударения.

Ударение сохраняется на корне, который долг и произносится с акутовой или циркумфлексной интонацией в паневежском говоре: напр., *jáunasai/jaĩnasai* ‘молодой’ (литер. лит. *jaunàsis*), *kãltasai* ‘виновный’ (литер. лит. *kaltàsis*). Фонетический вариант форманта *-asiai* участвует в образовании местоименных форм прилагательного в вильнюсском, аникшчяйском и утянском говорах: ср., *áukštasiai*, *jáunasiai*, *mãžasiai*.

Формы с ударением на конце форманта *-asaĩ* (или его фонетического варианта *-asiaĩ*) на территории восточноаукштайтского диалекта встречаются довольно редко. К сожалению, границы распространения таких форм установить невозможно. Как сказано в комментариях к фонетическому атласу, формы местоименных прилагательных с ударением на форманте *-asiaĩ* встречаются на территории вильнюсского говора: *juodasiaĩ* ‘черный’ (ср. *juodàsis*).

Данных о произношении краткого гласного в местоименном окончании прилагательного на территории южноаукштайтского говора не имеем. А. Ляскаускайте никак не комментирует эту особенность. В комментариях к фонетическому атласу сказано, что на территории

³ Характерное для жемайтского диалекта второстепенное ударение на заударных слогах [Zinkevičius 1966: 42].

южноаукштайтского диалекта прилагательные с определенным окончанием не употребляются. Формы местоименных прилагательных можно найти только в народных песнях, где произношение гласного в окончании зависит от того говора, откуда была заимствована песня. Если песня пришла с территории западноаукштайтского диалекта, то прилагательное произносится так же, как и в литературном языке, если песню заимствовали у восточных аукштайтов, то, скорее всего, ударным в прилагательном будет корень или окончание *-asaĩ*.

6. Другие случаи.

6.1. Звукоподражательные слова и междометия.

В большинстве литовских говоров гласные нижнего (как в литературном языке) и верхнего подъема в звукоподражательных словах остаются краткими: напр., *bàkst* ‘стук’, *trèpt* ‘топ’, *bàkstel(è)ti* ‘стучать’, *trèptel(è)ti* ‘топать’, *čìùžt* ‘звук при скольжении’, *pìkšt* ‘щелк, бац’ (примеры З. Зинкявичюса). По утверждению З. Зинкявичюса, в звукоподражательных словах могут встречаться долгие гласные. Это зависит от интенсивности произношения говорящего. Таким образом, встречаются формы с долгим гласным: ср., *čìùžt*, *pýkšt* [Zinkevičius 1980: 100].

Далее рассмотрим исключения, который есть только в литовских диалектах и отсутствуют в литературном языке. В южноаукштайтском диалекте и в западноаукштайтском диалекте на территории каунасского говора число позиций, где продление краткого гласного отсутствует, больше и по сравнению с литературным языком, и по сравнению с другими говорами.

6.2. Суффиксы деминутивов *-elis/-elė*.

Краткий гласный встречается на территории южноаукштайтского и северожемайтского диалектов. А. Ляскаускайте приводит следующие примеры: *duobèlę*. ‘ямка’ (литер. лит. *duobėlė*), *žemàlę* ‘земелька’ (литер. лит. *žemėlė*), *pienèlis* ‘молочко’ (литер. лит. *pienėlis*) [Leskauskaitė 2004: 34]. В северожемайтском диалекте на северо-востоке тельшяйского говора в Акмянском и Вягряйском районах гласный *e* остается кратким в следующих примерах: ср., *vaikèl's* ‘ребенок’ (литер. лит. *vaikėlis*), *senèl's* ‘старичок’ (литер. лит. *senėlis*), *veršèl's* ‘крышка’ (литер. лит. *viršėlis*). На юге тельшяйского

говора в Папильском районе гласный в суффиксе систематично продлевается и реализуется как полудолгий: ср., *vaikė.l's*, *senėl's* [Murinienė 2007: 76].

6.3. Формы звательного падежа.

В некоторых говорах в формах звательного падежа краткие ударные гласные (под перенесенным ударением) не продлеваются. В южноаукштайтском говоре краткие гласные нижнего подъема не продлеваются: напр., *kàralien* ‘король’, *gàspadin* ‘господь’, *tàtuke* ‘тетушка’ [Leskauskaitė 2004: 35]. На территории восточноаукштайтского диалекта в ширвинтском говоре краткие гласные не продлеваются в следующих словах: напр., *kàfif* ‘кошечка’ (литер. лит. *katýte*), *làput* ‘листочек’ (литер. лит. *lapùte*), *šèšerif* ‘сестренка’ (литер. лит. *seserýte*).

На территории восточноаукштайтского диалекта в формах звательного падежа гласные верхнего подъема остаются краткими: напр., *rùpūziok* ‘жаба’, *šùniok* ‘собачка’, *Birut* ‘Бируте’ [Zinkevičius 1966: 107].

6.4. Некоторые имена собственные и нарицательные.

В южноаукштайтском диалекте гласный остается кратким в таких словах: фамилии *sadėckas* ‘Садецкий’ (литер. лит. *Sadėckas*), *pilėckas* ‘Пилецкий’ (литер. лит. *Pilėckas*), имена *petrālis* ‘Петр’ (литер. лит. *Petrālis*), имя *anėle* ‘Аняле’ (литер. лит. *Anėlė*) [Leskauskaitė 2004: 35].

В каунасском говоре (западноаукштайтский диалект) продление гласного отсутствует в следующих формах: напр., *pràstas* ‘плохой’ (литер. лит. *prāstas*), *bràške*. ‘клубника’ (литер. лит. *brāškė*), *žàlis* ‘зелень’ (литер. лит. *žālis*), *àvinas* ‘баран’ (литер. лит. *āvinas*), *kàtilas* ‘котел’ (литер. лит. *kātilas*), имена собств. *gėdas* ‘Гедеминас’ (литер. лит. *Gėdas* < *Gediminas*), *kəstas* ‘Кестут’ (литер. лит. *Kėstas* < *Kestūtis*) и др. [Bacevičiūtė 2004: 147–148].

6.5. Заимствования.

В каунасском говоре краткие гласные не продлеваются в заимствованных словах. В первую очередь, в германизмах: напр., *zèlikas/zèlikis* ‘место у печки’, *šlækta* ‘плохо, дурно’, *švàkas* ‘слабый, плохой’ [Bacevičiūtė 2004: 147–148]. Краткие гласные сохраняются в заимствованиях из латышского языка или в словах, образованных по модели латышского языка: *làbumas* ‘доброта’, *làmata* ‘неряха’, *mètams/mètamasis* ‘пояс, розга’ и т. д. [Zinkevičius 1966: 106].

Заключение

Исходя из сформулированных задач, нами были достигнуты следующие результаты. В первой части работы были описаны количественные (для жемайтского наречия также качественные) характеристики позиционно долгих гласных в литовских диалектах. В отличие от литературного языка, в котором позиционно долгие гласные по своему звучанию совпадают с исторически долгими, в литовских говорах наблюдается иная ситуация. Продленные гласные, как правило, реализуются как полудолгие (т. е. гласные меньшей длительности, автоматически сопровождающиеся т. н. средней интонацией). Тем не менее, в части восточноаукштайтских говоров (напр., ширвинтский) и южноаукштайтском диалекте позиционно долгие и исторически долгие гласные произносятся с одинаковой длительностью. Совпадение фонетической длительности определяется историей происхождения и развития исторически долгих гласных (напр., в южноаукштайтском диалекте исторически долгие гласные отсутствуют, как таковые).

Далее были выявлены и охарактеризованы факторы, определяющие появление позиционно долгих гласных в литературном языке. В истории литовского языка был период, когда единственной позицией, где происходило продление кратких гласных в ударных слогах, были односложные слова и конечные слоги многосложных слов. Однако в ряде морфологических форм ударение передвинулось и на новом месте уже не вызывало продления. В этом отношении описание диалектных форм представляет немалый интерес, поскольку в ряде морфологических образований отражается старое место ударения (напр., формы сравнительной степени прилагательных *gērasai/gerasaĩ* в части восточноаукштайтских говоров).

Был сделан краткий обзор истории исследования некоторых особенностей вокализма в литовских говорах. Нами были представлены существующие в литовской лингвистике интерпретации трехчленного противопоставления гласных фонем по долготе/краткости. В части восточноаукштайтских говоров (утянский, аникшчяйский, купишкенский, север вильнюсского) гласные образуют трехчленную оппозицию по долготе.

Таким образом, во всех возможных позициях (т. е. в безударном слоге, в ударной середине слова и ударном конце) противопоставляются гласные трех типов: краткие, длинные и полудолгие. Это утверждение было подкреплено примерами квазиомонимов. А. Гирдянис в противовес теории о трехчленном противопоставлении гласных фонем предложил новую интерпретацию, которая оперирует не тремя классами гласных, а двумя типами ударения. В таком случае формы *gýva*, *stóra* несут ударение одного типа, а *gyvà*, *storà* (с долгими гласными в безударной позиции) и, например, купишкенские формы *gíva*, *stóra* — ударение другого типа.

Во второй части работы мы обратились непосредственно к диалектам и описывали условия появления позиционно долгих гласных в литовских говорах. Были охарактеризованы все позиции, где продление кратких гласных верхнего и нижнего подъема отсутствует. Набор таковых в диалектах шире по сравнению с литературным языком (напр., гласные не продлеваются в суффиксах деминутивов, в формах звательного падежа и т. д.). При описании исключений, мы указывали

- территории говоров, где продление позиционно долгих гласных отсутствует или присутствует, как исключение;
- условия появления позиционно долгих гласных в диалектах с литературным языком;
- длительность (для жемайтского наречия также качество) позиционно долгих гласных;
- место реализации ударения (для местоименных форм прилагательных и прилагательных в сравнительной степени).

По данным критериям был охарактеризован весь набор существующих в литовских говорах исключений.

Literatūra

1. Даугавет 2008 — Даугавет А. Д. Ударные слоги с краткими гласными в литовском и латышском языках // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Вып. 2. Ч.2. 2008. — 175–179.
2. Гаршва 1977 — Гаршва К. Просодемы в системе фонологического описания (на материале литовского языка) // Серия литературы и языка 36 (1). 1977. — 52-59.
3. Atkočiūtė 2002 — Atkočiūtė D. Pietų žemaičių raseiniškių prozodija ir vokalizmas. Vilnius, 2002.
4. Bacevičiūtė 2004 — Bacevičiūtė R. Šakių šnektos prozodija ir vokalizmas. Vilnius, 2004.
5. Girdenis 2003 — Girdenis A. Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai. Vilnius, 2003.
6. Girdenis, Jasiūnaitė 1996 — Girdenis A., Jasiūnaitė B. Trys rytų aukštaičių uteniškių balsių ilgumai // Kalbotyros darbai, III. Vilnius, 2001. — 257–278.
7. Girdenis, Židonytė 1994 — Girdenis A., Židonytė G. Šiaurės panevėžiškių (Rozalimo šnektos) balsių sistema // Kalbotyros darbai, III. Vilnius, 2001 — 127–170.
8. Girdenis, Žulys 1972 — Girdenis A., Žulys V. [Recenzija] J. Kazlauskas, Lietuvių kalbos istorinė gramatika (kirčiavimas, daiktavardis, veiksmažodis) // Kalbotyros darbai, I. Vilnius, 2000 — 355–370.
9. Grinaveckis 1973 — Grinaveckis V. Žemaičių tarnių istorija (fonetika). Vilnius, 1973.
10. DLKG — Dabartinės lietuvių kalbos gramatika // Redaktorius Ambrazas V. Vilnius, 1996.
11. Kardelis 2003 — Kardelis V. Rytų aukštaičių šnektų slavizmų fonologijos bruožai. Vilnius, 2003.
12. Kardelis 2006 — Kardelis V. Mielagėnų apylinkių tekstai. Vilnius, 2006.
13. Kardelytė, Sriubienė 2006 — Kardelytė J., Sriubienė A. Šiaurės rytų aukštaičiai vilniškiai. Vilnius, 2006.
14. Kažukauskaitė 2007 — Kažukauskaitė O. (red.). Vakarų aukštaičiai šiauliškiai. Mokomoji knyga. Vilnius, 2007.

- 15.LKA II 1982 — Lietuvių kalbos atlasas, II. Vilnius. 1982.
- 16.LKTCh 2004 — Lietuvių kalbos tarmių chrestomatija / Bacevičiūtė R., Ivanauskienė A., Leskauskaitė A., Trumpa E.. Vilnius, 2004.
- 17.Leskauskaitė 2004 — Leskauskaitė A. Pietų aukštaičių vokalizmo ir prozodijos bruožai. Vilnius, 2004.
- 18.Lyberis 2001 — Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. 3-iasis pataisytas ir papildytas leidimas. Vilnius, 2001.
- 19.Murinienė 2007 — Murinienė L. Rytinių šiaurės žemaičių fonologija: vokalizmas ir prozodija. Vilnius, 2007.
- 20.Pakerys 2003 — Pakerys A. Lietuvių bendrinės kalbos fonetika. Vilnius, 2003.
- 21.Zinkevičius 1966 — Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
- 22.Zinkevičius 1980 — Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. I. Įvadas. Istorinė fonetika. Daiktavardžių linksniavimas. Vilnius, 1980.